

О.В. Новохатко

К вопросу о деловой этике в приказах второй половины XVII в.

Интерес к повседневной жизни прошлого все больше захватывает как профессиональных историков, так и любознательную читающую публику, «изголодавшихся» по живым сюжетам после долгого и глубокого изучения производительных сил и производственных отношений. Однако при всем многообразии исследований о повседневной жизни часто в тени остается такая чрезвычайно интересная и важная ее сторона, как «производственный» быт. В отечественной истории особенно не повезло в этом отношении старинным чиновникам – приказным подьячим. Предлагаемый вниманию читателя сюжет приоткрывает эту весьма занимательную тему. Во время работы в Российском государственном архиве древних актов над исследованием о деятельности Разрядного приказа – главного военного ведомства допетровской России – автору попал в руки документ, в котором отразилась бытовая сторона жизни центральных органов государственного управления второй половины XVII в. Речь идет о столбце, в котором зафиксированы случаи нарушения трудовой дисциплины сотрудниками Разряда.

Процедура разбора конфликтов разрядных служащих имела свою специфику: подьячие могли обратиться к руководству приказа с жалобой устно, «словесным челобитьем», которое, однако, тут же фиксировалось. Именно так подал иск на своего коллегу Ивана Тарасова, «старого» (т.е. старшего) подьячего, «молодой» (младший) подьячий Никита Брянцев. Как сообщал в своем челобитье Н. Брянцев, «сего де числа [20 марта 1677 г.] в десятомъ часу дни [около 17 час.] в Розряде у Московского стола [главное подразделение Разрядного приказа] брал ево Розрядного ж приказу подьячей Иван Тарасовъ и билъ кулаками и топтунами, поволя, под живот и в спину неведомо за что» (Российский государственный архив древних актов. – Ф. 210. – Оп. 9а. – Д. 529. – Л. 173. Далее даются ссылки на данный источник). Свидетелями драки были разрядные подьячие, имена которых Н. Брянцев приводит под челобитной. Истцом и ответчиком в этом деле оказались подьячие одного стола – Московского: по показаниям И. Тарасова, в указанное время «в Розряде сидели они с подья [... не читается, лист ветхий] за списками боярского списка» (л. 175).

Конфликт между Н. Брянцевым и И. Тарасовым произошел, можно сказать, по этическим мотивам. Разрядные подьячие обычно обедали в помещении приказа, покупая еду вскладчину. И в данном случае

будущие истец, ответчик и свидетели, «сложась, купили что им есть, и стали збиратца есть в одно место в Московской стол, и Микита де Брянцов стал есть преж товарищев своих, и за то де Иван Тарасов избранил ево и бил кулаками, поволя на землю». Возможно, «старый» подьячий И. Тарасов счел себя вправе учить манерам «молодого» подьячего Н. Брянцева, правда, тоже несколько некорректно. Со своей стороны И. Тарасов представил дело так, что собрались «они с подьячими есть, и ево де М [... не читается, лист испорчен] Брянцов бранил матерны, и он де за [... не читается, лист испорчен] ево зашиб кулаком з двожды или с трожды, а поволя де ево, топтунами и инымъ ника [... не читается, лист испорчен] боємъ не бивальъ». Свидетели, подьячие Герасим Протасов, Василий Айтемирев, Пересвет Жохов, Иван Кобяков, Михаил Шишкин, Алексей Дурнышов, подтвердили вину И. Тарасова, а о Н. Брянцеве сказали, что «Микита де ево Ивана бранил ли, того де они не слышали».

Дело расследовал начальник Разряда, думный дьяк В.Г. Семенов. Разбирательство длилось два дня, после чего, не взирая на старшинство И. Тарасова, ему за его «озорничество», за то, что «учинил в приказе драку», было назначено наказание – «бить батоги нещадно, чтоб впредь неповадно было иным то ж делать и в приказе быть не смирно» (л. 173–176). Ниже на том же листе зафиксировано исполнение приказа В.Г. Семенова: «и по тому великого государя указу подьячему Ивану Тарасову в Розряде наказанье учинено, бит батоги того ж числа» (л. 176).

Никита Брянцев стал «героем» еще одной драки, произошедшей в стенах приказа, ровно через три месяца после предыдущей (двадцатое число было для него каким-то роковым). На этот раз «бой» произошел из-за того, что Брянцев обознался, проявляя излишнее служебное рвение. Для сопровождения государя в поход в одно из подмосковных сел Разряд собирал жильцов (низший чин столичных служилых людей по отечеству). Поскольку Н. Брянцев был подьячим Московского стола, в ведении второго повытья которого находились жильцы, он также был причастен к этому мероприятию. Поэтому, по словам Н. Брянцева, «в розрядныхъ де сенех взял онъ Ивана Старкова – чаял, что онъ, Иванъ, в житье – и привел в Розряд и в приказе спросилъ подьячего Алексея Яцкого, и Алексей сказал, что онъ, Иван, не жилецъ, и онъ, Микита, ево, Ивана, отпустил». (Интересно отметить, что «молодые» подьячие и тем более «старые», как

Алексей Яцкой, знали своих «подопечных» в лицо или по имени и могли без документов определить их чин). Однако Иван Старков не ушел мирно, а «ево, Микиту, бил и лицо и шею и руки ободралъ и фerezи и полукафтанье изодралъ и за гузно хватал, а отнялъ де ево, Микиту, розрядной сторож Давыдко Борисов».

По осмотру в Разряде у Н. Брянцева действительно были «лицо и руки и шея ободраны и очараплены до крови и у фerezеи нашивка и гнездо отодрано и полукафтанье изодрано». И. Старков же оказался бывшим подьячим Иноземского и Судного Владимирского приказов «и ис тех приказов отстал беспорочно», а в данное время был без работы. Разряд являлся своего рода «отделом кадров» для подьячих всех московских приказов, и именно поэтому И. Старков пришел туда подавать прошение о новом месте службы: «ныне де бьетъ челомъ великому государю онъ, Иванъ, во дворець в стряпчие».

И. Старков описал происшествие, разумеется, по-своему: «Сего де числа перед Розрядомъ взялъ ево розрядной подьячей Микита Брянцовъ и бранил ево всячески и, ухватя за воротъ и за волосы, привел в приказ». Нападение на Н. Брянцева И. Старков категорически отрицал. Однако Н. Брянцев привел свидетелей – находившихся в тот момент в Разряде трех стряпчих, жильца, трех разрядных подьячих (Матвея Павлова, Федора Протопопова и Игнатия Свиридова), разрядного сына боярского (разрядные дети боярские исполняли в приказе функции приставов) Гаврилу Попова и разрядного же сторожа Давыда Борисова. Опрошенные стряпчие оказались сторонниками Н. Брянцева и засвидетельствовали, «что Микита Брянцовъ пошел ис приказу в заднюю полату, и Иванъ де Старковъ ево, Микиту, за гузно хватил, и Микита де назвал ево скаредом, что де такъ безчинничаешь,

и Иванъ де Старковъ ево за то почал бить и за волосы дралъ и платье на нем изодралъ».

Возможно, из-за того, что сторонами конфликта оказались разрядный подьячий и служащий другого приказа, и в данном случае Разряд не мог выступить беспристрастным судьей, дело решалось не в Разряде, а верховной властью, которая встала на защиту действующего чиновника: «по указу великого государя бояря, слушав сеи докладные выписки в передней, приговорили: Ивашку Старкову за то ево плутовство учинить наказанье, бить батоги нещадно и дать ево на поруки, что ему впредь такъ не плутовать и не озорничать, а подьячему Миките Брянцову за ево бесчестье держать на нем, Ивашке, ево [... неразборчиво, возможно, следует читать «нынешний»] оклад вдвое». К этому времени И. Старков уже служил – хотя и не стряпчим «во дворце», а подьячим в приказе Большого прихода.

Как и в приведенном выше случае драки между разрядными подьячими, Н. Брянцев возбуждал иск против И. Старкова в Разряде, обратившись к руководству приказа со словесным челобитьем, которое было за ним записано. Дело было решено довольно быстро – на четвертый день после подачи челобитной.

Приведенные документы позволяют по-новому увидеть работу столичных управленческих учреждений не как мертвую схему административной деятельности, а как некую живую картину. Интересно отметить, что даже в этой маленькой «капле» отражаются не только бытовые подробности приказной жизни, но и, так сказать, управленческие приемы приказных служащих. Поэтому дальнейшее исследование подобных сюжетов могло бы открыть новую страницу в изучении и повседневной жизни, и реальной, повседневной же деятельности управленческих структур России XVII в.